

В. П. ДЕНИСОВ

(Пермь)

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В ПРИКАМЬЕ

За 9 лет работы Камской и Воткинской археологических экспедиций (1952—1960 г.) на Средней Каме (между устьем р. Чусовой и г. Сарапулом) изучено более 60 памятников эпохи бронзы, из них 11 относятся к поздней бронзе, а именно к ерзовской культуре, датируемой XI—VIII вв. до н. э. Керамика ерзовского типа обнаружена также на Галкинском городище (Збруева, 1940, стр. 95, 97, табл. IV—14, 16, табл. V—14) и стоянке Бор I, где в районе жилища № 2 были найдены фрагменты одного сосуда.

Как правило, все выявленные ерзовские памятники расположены на краю первой и второй надпойменных террас, а также около устьев небольших рек, стариц и истоков на невысоких дюнах, ограничивающих широкую камскую пойму. Исключением является Галкинское городище, площадка которого возвышается над Камой почти на 40 метров.

Изучение памятников показало, что их можно разделить на 3 группы: 1—постоянные поселения (5), 2—временные стоянки (4) и 3—случайные находки (4).

Раскопками Ерзовского поселения, проведенными в 1954 г. О. Н. Бадером и Б. Х. Кадиковым, было установлено, что памятник многослоен, а его материал не однороден и содержит 9 типов керамики (Бадер, Кадиков, 1957). Раскопки 1956—58 гг (В. П. Денисов) подтвердили выводы О. Н. Бадера и Б. Х. Кадикова о многослойности памятника. Однако было выделено только 2 основных типа керамики, границы распространения которых совпали лишь частично. Так, если первый тип встретился только в жилище № 2, то второй — только в жилище № 1. В жилище № 3 обнаружена керамика обоих типов, но преобладает первый. Керамику раннеантаньинского времени, встречающуюся на поселении в ничтожном количестве, практически можно не принимать в расчет. Таким образом, поселение следует отнести к эпохе поздней бронзы.

К первому типу керамики отнесены сосуды горшковидной формы, с сильно расширенными боками, суженным горлом и небольшим плоским дном (рис. 4—1). Прямые или отогнутые шейки с наружной стороны часто имеют небольшое утолщение в виде воротничка. Переход от шейки к тулову довольно резкий. Все сосуды этого типа тонкостенны (3—5 мм) и изготовлены от ру-

ки, их диаметр не превышает 15—25 см. К глине подмешаны шмот и растительные примеси. Цвет наружной поверхности — желтый или светлосерый, в изломе — черный. Обработка наружной поверхности обычно выполнена путем сглаживания куском кожи или тряпки. Верхняя часть сосудов орнаментирована зубчатым или гладким штампом, различными ямочными вдавлениями, прочерченными линиями и насечками. Нижняя часть орнамента не имеет. Венчик, шейка и плечики сосудов украшены довольно сложными узорами, составленными из зигзагов, решетки, «флажков», параллельных линий, насечек и т. п. Узоры расположены преимущественно горизонтальными зонами (рис. 4, —1—7). Керамика этого типа имеет близкие аналогии в памятниках культу-

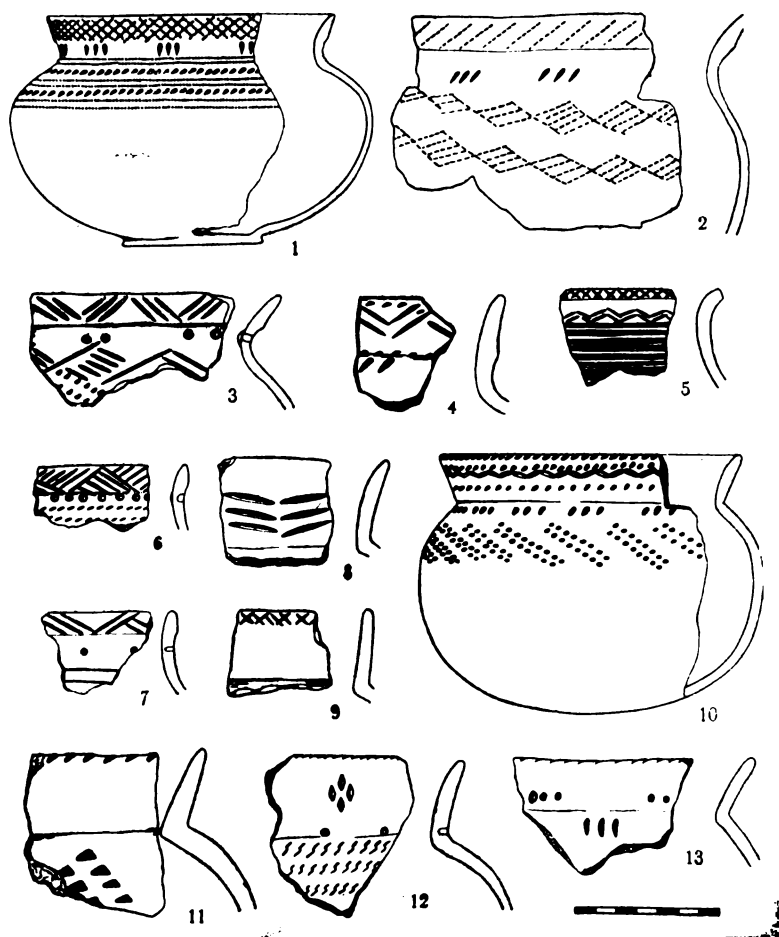

Рис. 4. Керамика из поселений ерзовской культуры.

1, 9, 10, 12— Ерзовка; 2— Старушка III; 3, 4, 8, 11, 13— Заюрчим;
5—7— Елово.

ры Курман-Тау (Збруева, 1952, стр. 200, таб. XXXVII — рис. 11, 13), Ананьинской и Луговской стоянках (Збруева, 1952, стр. 192, таб. XXXIV—12, 13), а также в поздних андроновских памятниках Зауралья, обследованных В. Д. Викторовой (Зыряновское III, Красноярское I и др.). Исходя из этих аналогий, первый тип ерзовской керамики можно датировать XI—IX вв. до н. э.

Ко второму типу относится около 45% всех сосудов. Их характеризуют бомбовидная форма: прямая или слегка отогнутая шейка, округлое дно и выпуклые стенки (рис. 4, —10). Переход от шейки к плечикам резкий. По сравнению с сосудами первого типа, у сосудов II типа отмечаются: несколько больший диаметр (20—30 см), более массивные стенки, достигающие 7 мм, небрежная обработка наружной и внутренней поверхности при помощи зубчатого штампа, а также примеси, среди которых преобладают шамот и песок. Цвет наружной поверхности — темный, в изломе — черный. Орнамент так же, как и у сосудов первого типа, занимает только верхнюю часть сосуда, но орнаментальная зона заполнена значительно реже, а сочетание узоров более разнообразное. Большинство сосудов второго типа украшено узорами, состоящими из различных ямочных вдавлений, отпечатков косо поставленного зубчатого или гладкого штампа, насечек, эсвидных отпечатков и прочерченных линий (рис. 4—8—13). Верхний край венчиков часто орнаментирован при помощи насечек. Керамика второго типа имеет хорошие аналогии на стоянках культуры Курман-Тау. (Збруева, 1959, стр. 55, рис. 6). На основании этих сопоставлений второй тип керамики был датирован IX—VIII вв. до н. э.

Таким образом, оба типа керамики датируются различными временем. Возникает вопрос, можно ли типологически выделенные комплексы одного памятника датировать различным временем?

На этот вопрос дают совершенно ясный ответ материалы произведенных в 1958—1960 годах раскопок однослойных памятников. Данные раскопок подтвердили правильность предварительных выводов о разделении ерзовской керамики на два разновременных комплекса, а следовательно, и всей культуры на два хронологических этапа.

К первому этапу ерзовской культуры относится 7 памятников: Ерзовка (жил. 2), Старушка I, Старушка III, Еловская (жил. 8—10), Забойная (жил. 5), Заюрчим (жил. 2) и Игнашихинское местонахождение.

При сопоставлении керамики с различных поселений и местонахождений, разбросанных на довольно большой территории, выясняется, что она несколько отличается друг от друга. Так, керамика, собранная на Еловском поселении, отличается от ерзовской своим орнаментом и формой венчиков (рис. 4—5—7), которые гораздо уже, чем у ерзовских сосудов, и приближаются к формам венчиков луговских и даже позднеандоновских сосудов (Збруева, 1952, стр. 192, таб. XXXIV—12, 13; Сальников, 1951 а, стр. 117, рис. 9.). Шейки сосудов еловской керамики более плавно переходят в тулово. Наконец, последнее отличие состоит в способе орнаментации. В керамике Еловской стоянки преобладают гори-

горизонтальные прочерченные линии или канавки, напоминающие по способу нанесения лутовскую и андроновскую керамику (Сальников, 1951 а, стр. 135, рис. 20; Збруева, 1960, стр. 26). Кроме прочерченных линий, часто встречаются двойной или тройной зигзаг, ямочные вдавления, «елочка», «решетка» и «флажок».

На Заюрчимском поселении первый и второй ерзовские комплексы встречаются в одном слое и стратиграфически не разделяются. Однако во время раскопок 1959—1960 гг. было замечено, что керамика первого ерзовского типа распространена в основном в районе 2-го и 3-го жилища, в то время как керамика второго типа преимущественно находится в заполнении 4-го жилища. Таким образом, создается та же картина, что и на Ерзовском поселении. Сосуды с Заюрчимского поселения, относящиеся к первому ерзовскому типу, отличаются от ерзовских большими размерами и примесями песка и шамота в тесте. В остальном она напоминает ерзовскую керамику (рис. 4—8, 11, 13).

Из датированных вещей, обнаруженных на памятниках первого этапа, следует отметить кельт с лобным ушком (Забойнинская стоянка), датированный О. Н. Бадером XI в. до н. э. (Бадер, 1959 а), медный нож турбинского типа (Еловское, рис. 5—15), литейную форму для отливки плоского клина и медных бляшек (Еловское, рис. 5—17), литейную форму для отливки плоского клина и медных бляшек (Еловское, рис. 5—17), а также 2 глиняных полусферических пряслица (Еловское, рис. 5—10). Эти вещи можно датировать XI—X вв. до н. э., что хорошо согласуется с предложенной нами хронологией первого этапа.

Ко второму этапу ерзовской культуры относятся пять поселений и местонахождений: Ерзовское поселение (жил. 1), стоянка Бойцово II, Заюрчимское поселение, Галкинское городище и стоянка Бор I (жил. 2) на р. Чусовой.

В отличие от керамики первого этапа ерзовской культуры, которая характеризуется некоторыми локальными особенностями, керамика памятников второго этапа не имеет каких-либо существенных различий и, на наш взгляд, отличается довольно большим единообразием.

Если керамика раннего этапа датируется по аналогии и по вещам, то хронология позднего этапа основывается на типологическом сравнении керамики с материалами культуры Курман-Тау. Отметим также черты сходства с памятниками гамаюнской культуры Зауралья.

Наличие на стоянках Вятско-Бельского междуречья, а также на стоянках культуры Курман-Тау двух типов керамики, которые выделены и в нашем районе, приводит к выводу, что указанные памятники не одновременны, и их материал в хронологическом отношении можно разделить на два, а может быть и три этапа, как это делают В. Ф. Генинг, В. Е. Стоянов, 1961).

Находка медной бляшки с литым ушком на Ерзовской стоянке в жилище № 1, относящемуся к позднему этапу, свидетельствует о том, что последний в хронологическом отношении непосредственно продолжает ранний этап и заканчивается примерно

в VIII в. до н. э., когда в Прикамье проникают гамаюнские племена. Это подтверждается также литейной формой с Еловской стоянки, одна из сторон которой была приспособлена для отливки подобных бляшек, и сопоставлением с памятниками культуры Курман-Тау. Об этом же свидетельствует керамика различных типов, встречаемая на одних и тех же поселениях. Фигурка литого козла тагарского времени (рис. 5—13), найденная на Ерзовском поселении между жилищами № 1 и 3, плохо связана с керамическими комплексами и поэтому не может быть использована для датировки интересующих нас этапов.

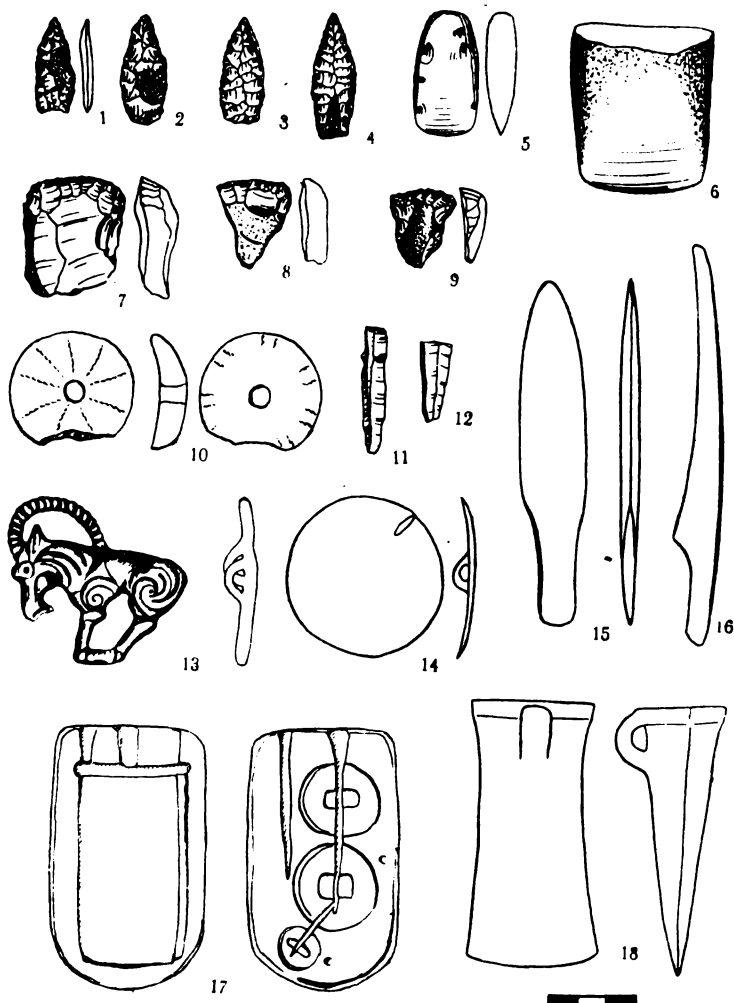

Рис. 5. Материал из поселений ерзовской культуры.
1—12, 15, 17—Елово; 13, 14, 16—Ерзовка; 18—Забойное I.

Незначительность материалов, полученных во время раскопок на поселениях ерзовской культуры, не позволяет дать полной характеристики хозяйства отдельных этапов и вынуждает ограничиться общим описанием.

Основной материал был собран на постоянных поселениях, где особенно часто встречаются бесформенные куски разбитых кремневых галек. Кремневые орудия представлены небольшим количеством наконечников стрел с округлым или усеченным основанием (рис. 5—1—4) и небрежными скребками, изготовленными из речных галек при помощи грубой ретуши. Правда, на Еловском и Заюрчимском поселениях, в слое, относящемся к поздней бронзе, изредка встречаются довольно хорошие экземпляры, обработанные при помощи тщательной ретуши (рис. 5—7—9). На Ерзовском поселении был найден наконечник дротика (Бадер и Кадиков, 1957) и несколько ножевидных пластин, которые обнаружены также на стоянке Старушка III.

Каменные орудия на поселениях представлены многочисленными пестами, зернотерками. Тесла и каменные топоры — довольно редкое явление (рис. 5—5,6). Все эти орудия были встречены на Еловском и Ерзовском поселениях вместе с керамикой раннего этапа ерзовской культуры. На Еловском поселении (жил. 10) был обнаружен сланцевый брусok. Подобные бруски довольно часто встречаются при раскопках поселений эпохи бронзы в среднем Прикамье.

Из других предметов следует отметить два орнаментированных полусферических пряслица из обожженной глины, найденных в жилище № 8 Еловского поселения (рис. 5—10). Подобные пряслица встречаются в нижнем Прикамье на памятниках эпохи поздней бронзы, датированных рубежом II—I тыс. до н. э. (Калинин и Халиков, 1954, рис. 14—4).

Из металлических орудий следует отметить два медных (рис. 5—15) и три железных ножа (рис. 2—16), найденных на Еловском и Ерзовском поселениях, а также кельт с Забойнинской стоянки (рис. 5—18). Интересно отметить, что двулезвийный нож из жилища № 8 Еловской стоянки несколько напоминает турбинские ножи и изготовлен путем отливки. Второй нож из соседнего жилища № 9, откованный из куска меди, напоминает нож с поселения Старушка I, относящегося, в основном, к более раннему времени.

Возможно, что новая техника отливки медных предметов в форму была принесена в Прикамье племенами, пришедшими на смену турбинским.

Железные ножи, встреченные в жилище № 3 Ерзовского поселения (2 шт.), и нож из жилища № 9 Еловской стоянки имеют типично ананьинский облик (рис. 5—16). Их нельзя с уверенностью отнести к поздней бронзе, поскольку в районе этих жилищ обнаружена ананьинская керамика.

Из украшений следует отметить рельефную фигурку козла с двумя литыми ушками (рис. 5—13) и медную круглую бляшку диаметром около 35 мм. (рис. 5—14) с гладкой выпнутой наруж-

ной поверхностью и литым ушком с внутренней стороны (Ерзовка, жилище 1). Подобные бляшки встречаются на памятниках карасукской культуры (Грязнов, 1956 а, табл. V — 22; Киселев, 1949, стр. 71, табл. XII—23).

На всех памятниках ерзовской культуры в настоящее время изучено 12 жилищ, представленных большими, почти квадратными или удлинленно-вытянутыми формами. Исключением является Еловское жилище № 8, размеры которого не превышают 8 х 8 м. Это жилище, имеющее один выход, очаг и хозяйственную яму, ничем не отличается от землянок эпохи развитой бронзы Прикамья.

Пять жилищ имели прямоугольную форму с размером сторон 12—20×6—10 м. Все они были расположены на песчаных террасах. В основном такой тип жилищ характерен для ранних памятников. Исключением является стоянка Бойцово II, относящаяся ко второму этапу.

На Ерзовском поселении жилища почти квадратные с размером сторон 11×12 м, 12×14 м. (Денисов, 1960 б, стр. 30, 31, рис. 1). Несколько большие размеры имели Заюрчимские жилища, длина которых достигала 18—20 м при ширине 10×12 м. Внутри жилищ обычно находилось один или два грунтовых или глинобитных очага овальной формы размером в среднем 1×1,5 м. В некоторых жилищах прослежены углистые полосы от сгоревших бревен, из которых были сложены стены.

На Еловской стоянке на месте жилища № 10 и на стоянке Старушка III были обнаружены сдвоенные углубления, которые, по-видимому, свидетельствуют о двухкамерных жилищах. На это же указывает углистый слой, заполнявший только одну половину жилища на стоянке Старушка III, вторая половина жилища не имела следов углистых остатков. Подобные жилища наблюдаются на памятниках андроновской культуры. Так, жилища на Алексеевском поселении имеют возвышающиеся перемычки (Сальников, 1951 а, стр. 107).

В отличие от Еловского жилища № 8, все остальные углублены гораздо слабее. В большинстве случаев углублялась какая-либо из сторон жилища, что свидетельствует о выравнивании пола.

Некоторые жилища, так же как и на памятниках раннего этапа, были соединены друг с другом крытыми переходами (Ерзовка, Елово), но углублены значительно меньше. Некоторые жилища были почти наземными. Наземные жилища известны и на Кипельском поселении (Сальников, 1951 а, стр. 106).

Судя по наличию долговременных жилищ и материалу, собранному на поселениях, их обитатели вели оседлый образ жизни.

Из-за недостатка материала пока трудно судить о значении той или иной отрасли хозяйства для обитателей поселений. Но без сомнения, что скотоводство на данном этапе развития прикамских племен уже играло ведущую роль. Об этом свидетельствуют находки костей коровы, лошади и свиньи на поселении Камский Бор II, наличие их на ананьинской дюне, Луговской стоянке, а также Заюрчимском поселении (определение Е. Г. Андреевой).

Кроме скотоводства, значительную роль в хозяйстве средне-

камских племен играло примитивное пойменное земледелие. Об этом свидетельствуют многочисленные зернотерки и терочники, встреченные на Заюрчимском поселении, Ерзовке и других памятниках. Орудий для обработки земли не обнаружено, но их вполне могли заменять костяные мотыги и наконечники, представленные на памятниках ананьинской культуры. На исследованных поселениях и стоянках, расположенных на песчаных дюнах, органические остатки сохраняются очень плохо, и орудия из кости и дерева на них не встречаются.

По этой же причине, основываясь только на редких находках кремневых наконечников, нельзя говорить о значительном снижении роли охоты.

Однако отсутствие грузил, встречаемых довольно часто на памятниках предыдущего и последующего периодов развития, по-видимому, свидетельствует об уменьшении значения рыболовства, что, очевидно, связано с переходом к скотоводству и проникновением в Прикамье новых этнических групп, плохо знакомых с этой отраслью хозяйства. Впрочем, можно допустить, что для рыбной ловли обитатели поселений использовали различного рода заколы, морды и другие орудия лова, которые удобно было применять в устьях небольших рек и на старицах.

Находки литейной формы (Елово), литого ножа и медной бляшки, свидетельствуют о серьезном прогрессе в производстве металлических орудий: от трудоемкого процессаковки люди перешли к отливке металлических предметов в формы. Такой процесс значительно ускорял изготовление орудий и улучшал их качество.

Выше уже говорилось, что на Еловском и Ерзовском поселениях вместе с позднебронзовой керамикой было найдено три железных ножа. Но наличие на этих памятниках ананьинской керамики не позволяет определенно отнести ножи к интересующей нас эпохе, хотя такая возможность и не исключена, так как только железо могло полностью вытеснить каменные орудия, которые на поселениях Ерзовской культуры встречаются крайне редко.

Памятники эпохи поздней бронзы в значительной степени отличаются от многочисленных более древних поселений, располагавшихся на этой же территории. Особенно большие изменения наблюдаются в форме, а также технике изготовления и ornamentации сосудов: полуяйцевидные формы сменяются сначала горшководными, а затем бомбовидными.

В связи с развитием обработки металлов, кремневая техника почти полностью изживает себя. Сохраняются только те категории кремневых и каменных орудий, которые в начале железного века нельзя было заменить на металлические (скребки).

Несмотря на большие различия в материалах ранних и поздних памятников эпохи поздней бронзы, все же удается выявить некоторые черты сходства и преемственности между эпохами развитой и поздней бронзы.

Это доказывается прежде всего тем, что больше половины па-

мятников ерзовской культуры находилось на месте турбинских поселений (Заюрчим, Камский Бор II, Еловская стоянка, Бойцово II, Забойная и др.).

Об этом же свидетельствует сохранение прямоугольных жилищ с переходами на раннем этапе ерзовской культуры. Самое раннее жилище, обнаруженное на Еловской стоянке, по сути дела, ничем не отличается от жилищ турбинского типа.

Определенная преемственность прослеживается также в сохранении некоторых орнаментальных мотивов — зигзагов, горизонтальных рядов зубчатых отпечатков, «флажков» и треугольников.

Сравнивая материалы из раскопок ерзовских поселений с материалами культур соседних территорий этого же времени (приказанской, Курман-Тау, луговской и средневатской), можно найти целый ряд свидетельств значительной культурной, а возможно, и этнической близости прикамских племен конца II — начала I тыс. до н. э.

В настоящее время трудно решить, чем следует объяснить такую близость. На наш взгляд, она могла возникнуть при непосредственном влиянии на местное население пришлых, более развитых в экономическом отношении скотоводческих племен, проникших в Прикамье в конце II тыс. до н. э.

Не исключена возможность, что это были андроновские племена или племена, подвергнутые значительному влиянию со стороны андроновцев. О проникновении андроновских племен на север пишут К. В. Сальников, А. П. Смирнов, А. В. Збруева и другие исследователи. Об этом же свидетельствуют материалы Луговской стоянки и сходство некоторых форм сосудов и орнаментации на других памятниках (Елово).

К моменту проникновения новых этнических групп населения Прикамье в культурном отношении было разобщено. Существенную роль в этом сыграли племена фатьяновской, абашевской и срубной культур: следы их пребывания в Прикамье хорошо прослеживаются.

Проникнув в Прикамье, пришельцы не смогли полностью ассимилировать местное население, а возможно, и сами были ассимилированы аборигенами, что подтверждается тем, что многие поселения, относящиеся к эпохе поздней бронзы, расположены на площади более древних поселений (Елово, Заюрчим и др.). Кроме того, в материальной культуре различных районов Прикамья имеются некоторые отличия. В настоящее время выделяется пять таких районов: Средняя Кама (ерзовская культура), Вятско-Бельское междуречье (луговская культура), Нижняя Кама и прилегающие участки Поволжья (приказанская культура), верхнее течение р. Белой (культура Курман-Тау) и Средняя Вятка. Возможно, что при продолжении исследований число этих территорий увеличится.

Отсутствие в Прикамье могильников, относящихся к эпохе поздней бронзы, затрудняет установление антропологического типа населения. Но, если Т. А. Трофимова права в том, что «в антропологическом составе населения предананьинской и более

поздних эпох Нижнего и Среднего Прикамья на более южной территории — степной — преобладало европейское население, а на более северной — в лесах — монголоидное» (Трофимова, 1951, стр. 102), то можно предположить, что как раз в это время, т. е. время проникновения новых этнических, а следовательно, и антропологических компонентов, в Верхнем Прикамье происходит метисация населения.

В более позднее время под воздействием зауральских племен так называемой гамаювской культуры в Прикамье проникает резко выраженный монголоидный тип.

Следует надеяться, что дальнейшие исследования памятников эпохи поздней бронзы в Прикамье и прилегающих к нему районах позволят лучше изучить историю среднекамских племен на рубеже II и I тыс. до н. э. и правильно осветить вопрос о происхождении ананьинской культуры.
